"Ты убил ее!" закричал молодой человек, его форма была нечеткой.

"Это была не моя вина". Второй размытый человек настаивал. "Если бы только ты не..."

"Геллерт. Пожалуйста." Третий голос, произнесенный как будто из его собственных уст.

Это был странный сон, от которого Снейп проснулся. Он не понимал, но знал, что это сон глубокого сожаления и печали. Он лежал весь в поту, сердце колотилось от сожаления, которое не было его собственным.

Но то, что сердце колотилось, означало, что оно бьется.

Снейп поднялся на ноги, задыхаясь от боли, которую он не мог определить. Он поднял руки перед лицом, сгибая пальцы. Ногти были коротко подстрижены, с острыми углами и неровными краями, свидетельствующими о плохом уходе, но не потрескались, еще не отслоились и в основном не испачкались. Его пальцы, хоть и тонкие и мозолистые, еще не огрубели от многолетней работы по приготовлению зелий, не побагровели от многочисленных ударов серебряным ножом и не побагровели от возраста.

Он поднял рукав, и сердце его подскочило ко рту. Его рука, худая и бледная, не была украшена его величайшей глупостью. Ни одно гротескное лицо черепа не ухмылялось ему в ответ, ни одно напоминание о тяжести его грехов. Однако даже когда эта мысль посетила его разум, он, казалось, все еще чувствовал ее, как фантомную сущность. Она была запечатлена в его душе, как и многие другие его дурные поступки.

Снейп откинул темно-зеленые занавески на своей кровати с четырьмя столбиками и с полной уверенностью понял, что находится в общежитии Слизерина. Это означало, что он еще школьного возраста, но в каком году?

Тихо сойдя с кровати и ощутив босыми ногами холод каменного пола, Снейп подкрался к своей сумке. Он не мог найти свою палочку под подушкой, где она обычно хранилась во время его попыток заснуть. Это означало, что он еще в том возрасте, когда паранойя еще не развилась.

Его руки сомкнулись вокруг гладкой и знакомой эбеновой рукоятки, чувствуя облегчение и уверенность в том, что все знакомо. Быстрым бесшумным движением он вытащил палочку из сумки и произнес заклинание, фиксирующее время.

Пять утра. подумал он, глядя, как перед его глазами материализуются цифры. А дата? Он снова взмахнул палочкой.

Снейп сидел, наблюдая за тем, как перед ним появляются цифры, и чувствовал оцепенение внутри. Это был шестой день сентября 1976 года. Почти неделя шестого года обучения в Хогвартсе. Прошло целое лето после того, как Лили в последний раз говорила с ним и больше никогда не заговорит...

На лбу Снейпа выступил пот; внезапно ему показалось, что он задыхается.

*****

Холодная вода потекла по ушам. Снейп подставил голову под текущий кран, его пульс запульсировал в ушах, замедляясь по мере того, как прохладная вода снимала его тревогу.

Она жива.

Он повернул ручку, медленно сливая воду. Он выпрямился, чтобы сравняться с зеркалом и посмотреть себе в глаза.

Она жива. И не забывай об этом.

На него смотрело знакомое молодое лицо. Его глаза еще не были подведены, но были естественно глубоко посажены, придавая и без того темным глазам зловещий вид. Это было, пожалуй, единственное, что напоминало искупительную черту на его прискорбном лице.

Он обнажил зубы, кривые, какими они и остались впоследствии, но, по крайней мере, они не были испорчены за годы злоупотребления зельями беспробудного сна, которые вскоре должны были последовать. Его волосы свисали вокруг ушей, слипшиеся от влаги и, несомненно, жира, от которого он не мог избавиться в юности, а чаще всего и во взрослой жизни.

Его худое бледное лицо натянуло кожу на скулах, отчего и без того заметный нос казался комично неровным. Он видел, как его рваная ночная рубашка свисала с его худого костлявого тела, его ключица торчала из потрепанного воротничка, он мог представить, какие ребра должны быть видны под ней. Все его телосложение свидетельствовало о плохом питании - вполне правдоподобный результат двухмесячного отсутствия в Хогвартсе. Дома его никогда не кормили должным образом, а в годы бунтарства и того меньше.

Почему я вообще думал, что могу ей что-то предложить?

Он был таким же отвратительным, как и они, и имел несчастье знать, что возраст его не улучшит. Он сгорбился и сжал пальцы в кулаки у раковины, костяшки побелели, когда кожа натянулась на кости. От этого движения его плохо сидящая ночная рубашка задралась на спине, вызывая тупое зудение.

Подавив вздох, Снейп поднял рубашку и повернулся спиной к зеркалу, уже зная, что обнаружит. Оказалось, что в школу его отправили с изрядной поркой.

По его спине тянулись кроваво-красные рубцы, тупая боль пела в ярких воспоминаниях об издевательствах. Кровь медленно сочилась из рубцов, образовавшихся там, где удары попадали в костяные выступы позвоночника, превращаясь в глубокие борозды по спине. Должно быть, его били ремнем, причем довольно сильно. Он не мог понять, как он мог позволить отцу так с ним поступить. Неужели он еще не понял, что остаются следы? Неужели он даже не пытался защищаться?

На его ночной рубашке были пятна от того места, где он потянул за рубашку и отцепил ее от своих ран. С момента избиения прошло не меньше недели, но раны еще не зажили настолько, чтобы рубцы перестали сочиться.

Он не мог вспомнить, как его избили. Это было очень давно, и с тех пор его мысли были заняты более важными делами. Однако он помнил, как крал тоники из лазарета; в молодости у него не хватало терпения восстанавливаться самостоятельно. В этот период его тело болело, и каждое выздоровление, которое он пытался провести без помощи магии, будь то травма или болезнь, занимало раздражающе много времени. А это была именно та травма, с которой он не мог себе представить, что когда-нибудь обратится к Помфри.

Нет. Мадам Помфри. Сейчас он не имел права разговаривать со взрослыми на одном языке. А возможно, и никогда.

Снейп натянул рубашку, скрывая жалкое напоминание о том, какой несчастной когда-то была

его жизнь.

Нет. Теперь.

Теперь это была его жизнь. Его хрупкое уродливое шестнадцатилетнее .

Содрогаясь от отвращения к себе, он вышел из ванной, даже не потрудившись вытереться, позволив волосам стечь и промокнуть сквозь тонкую рубашку.

Когда Снейп добрался до своей кровати, он обнаружил, что его школьная мантия лежит сложенная на сундуке. Домовые эльфы стирали ее каждый вечер, так как у него был только один комплект. От многократного использования, ремонта и удлиняющих заклинаний она уже обтрепалась и изорвалась.

Он быстро разделся, подавив шипение от того, что его раны снова начали вскрываться, и как можно быстрее завернулся в свою школьную мантию. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь проснулся и увидел его голый торс. Он точно знал, что в этом возрасте он будет реагировать не менее застенчиво; в этом отношении мало что изменилось, да и не изменится никогда. Он ненавидел внимание и никогда бы не стал страдать от жалости других.

Когда он застегивал мантию, его внимание привлек белый лист сложенного пергамента. Он лежал на сундуке, спрятанный под мантией. Несомненно, его шестнадцатилетний "я" оставил его в кармане мантии, когда эльфы пришли по вызову, и в результате он был аккуратно возвращен вместе с мантией.

Снейп развернул его, ощущая вес качественного пергамента и понимая, что этот пергамент не мог принадлежать ему. Изящный наклонный почерк встретил его взгляд, и даже без подписи он точно знал, от кого это письмо.

Мой дорогой Северус. Он действительно прочитал это на несносном языке Люциуса.

Хотя я не сомневаюсь в твоей преданности делу, у меня есть определенные требования к тебе. Я не понаслышке знаю о твоих уникальных талантах, но я не единственный, кого тебе нужно убедить. Вы должны будете прислать мне что-нибудь в качестве доказательства вашей состоятельности".

Письмо заканчивалось внезапно, без всякого завершения, и больше походило на записку, чем на письмо. И все же он хранил его в юности.

Снейп помнил об этом, это был его первый шаг к инициации. Он получил это письмо в первый день своего шестого курса. Если он помнил именно так, то еще не ответил. Как бы ему ни хотелось, Слизерин так не отвечает.

По взмаху палочки из его сумки вылетел экземпляр "Продвинутого зельеварения", такой же потертый и потрепанный, каким он его помнил. Знакомая вещь, святилище его разума. Одинокий источник утешения в это трудное время. С нежностью он раскрыл древний учебник. "Собственность Принца-полукровки", - гласила первая страница, и вдруг это единственное воспоминание об утешении рассыпалось пеплом в его сознании.

Потому что именно этот токсичный образ мышления сбил его с пути, эта идея "Я, по крайней мере, все еще наполовину принц!".

Нахмурившись, он перевернул страницу, больше не чувствуя утешения, которое давала эта

книга. Он повернулся к тому месту, где, как он знал, в углу было нацарапано заклинание.

Тот угол книги был благословенно пуст.

Это было заклинание, которое он представил, заклинание, которое, по мнению Люциуса, означало, что он стоит усилий по приведению себя в приличный вид. Он тратил на него каждое свободное мгновение, совершенствуя его, доводя до совершенства в дымке гнева и ненависти.

Потому что это было все, чем он жил в данный момент. Зажатый со всех сторон, неспособный найти убежище ни дома, ни в школе. Он был вынужден в одиночку противостоять демонам своей жизни.

Потому что он оттолкнул от себя единственного человека, которому не было до него никакого дела.

Неудивительно, что он держался за это письмо, как за спасательный круг. Надежда на светлое будущее. Место, где он будет иметь значение.

Решение, о котором он горько пожалеет.

Инсендио

Письмо загорелось и, упав на пол, превратилось в почерневшие клочья. В комнате общежития стоял слабый запах дыма, когда Снейп сдул его беззвучным порывом ветра, превратив в мелкий пепел.

В одиночестве ему приходилось сталкиваться с гораздо худшим. Он больше не был тем жалким мальчишкой.

http://tl.rulate.ru/book/75461/2223431